

Слава Сумалётов

СКАЗКА ПРО ПОДМЕНЫ

"... В отличие от нас, они не желают, видишь ли, обличать тьму власть имущих! Мол, берегут речь, как боги – огонь. А нам, чернорабочим лошадям искусства, впряжённым по уши в жизнь, приходится выслушивать их наводящие ужас вопросы. Но это земная жизнь, и она коротка. И ваше терпение – подлость! Простите уж за резкость, господа: накопилась желчь и злоба дня. Да, мы реалисты – и не витаем в облаках! И слово наше не на слишком тонких ножках."

*гражданин Суматошный И.М.
(из открытого письма в газету "Наш Дом")*

Часть первая ДОМ

В своих стихках и временах все плодovitые пииты мечтать любили о своих домах. Зимой почаще, реже летом, обычно по ночам, но и, бывало, днём – хулили, прославляя, кровный дом. Талантливо до слёз жилищный ставили вопрос в ребро! все меткие поэты...

Стоит наш дом на почве и под ветром. Мы в нём поём. Мы в нём... и проч.

–Давно пора, ребята, этот дом пустить... того... Ну как его? На-а... капремонт! Что, блин?– сказал, спросив без мата, плотник местный, Фёдор. И плотник, в общем, плотный, неплохой. Мы с ним почти соседи. Он человек вполне телесный. Со снятой с чужих плечиков судьбой, но с волею железной! Открытый и прямой. К тому же бывший холостой, "Пегас" курящий, – в доску свой! Хотя слегка непьющий.

–Спокойно, бабы-хлюпики! Я на работу, ух, как зол!– с утра прокашлял тяжко Фёдор и кулаком тотчас об стол! В его дыму витали недоверчивые мухи. И он пошёл на двор, где лопухи и ветер.

–Ужо утру вам нос, погоду...

Назавтра и погодка удалась.

И взялся он рукой за дело. И взялся крепко так: с умом и топором, аж маечка вспотела! И очень даже верно прибавил молотком, наметив чёткий крестик мелом... Но кто-то заорал под рухнувшим бревном...

И свет померк. И грёзы о былом, гремя цепями и забившись в будки, вдруг хищно заскулили. Настала ностальгия на дворе...

И пошатнулся дом. И пуще закачался кров.

Но Фёдор – старый, тёртый и одинокий волк. Припёр он две подпорки – и прекратил ремонт, наевшись "малой кровью". И бабы утирали сопли после порки.

И всё же как неоднозначен труд плотников несчастных! Он дом покрасил красным и выбелил внутри; и больше не дурил. (Лишь разъяснил нам смысл построек неудавшихся и замолчал.) Сидел во дворике, играя в домино, на солнце щурясь. И хитро курил "Пегас", поплёвывая изредка на дно консервной банки, пока бычок последний не погас...

Стоит наш дом на той же почве. Мы в нём по памяти поём, по паспорту живём и прыгаем по кочкам. – Давно пора здесь, чтоб наоборот!!! – кричал нам юный рыжий, соседа Феде пятый внук на киселе, крепыш, боровичок, боксёр! – разгорячённым отойдя от недобитой груши... и домик наш под крышу ещё чуток подпёр. И даже по болоту он проложил мостки! (Чего не догадался сделать Фёдор-дурачок.) Теперь мы ходим на работу без страха промочить носки. А также каждую субботу – в соседнюю деревню за хлебом и на танцы. Эдакие ходим гоголя! Но не ходи к ним без колья...

Поёт для нас, вращается кассета и земля.

В реальность превращается фантазия моя.

Терпение кончается! И снова возвращается.
А дом стоит. А кров качается.

Часть вторая ДВОРЕЦ

Так сделалось нам ясно всем, что повсеместно пиитов часто тешат думы о домах. Но иногда (когда в домах им тесно) заводят, как часов гремучую пружину, семейные поэты речи о дворцах.

И вот они её заводят! А рядом (а точнее – возле) незлые люди. Люди ходят. Ходят. И начинают подпевать...

–Ну, ты вникни в песню, царь: мы жить не можем без дворца! Не доводи ты, мудрый царь, до нелогичного конца, туда его налево, себя и ситуацию!

Народ царя не зря скоблил. Царь быстро время оценил. Сей царь был жилист!

–Чтоб я так жил! Да больно нужно мне... – рогатую подкову отодрав с крыльца, в толпу, колеблемую ветром, он с размаху запустил.

–Я, вас не меньше, тоже обожаю вас, мои ранимые, родные! К тому же, как я погляжу, здесь дети есть, и старики, и женщины больные. Для них освобождаю! я свой дворец отныне.

–Вот это просто да! Вот этот – точно царь! Какая лёгкость, простота! Не то, что в прошлый год был Злилипутин! Подлец и демократ, и нами с голодухи избранная рвань. Он молодец, решительно! Такое в первый раз. Такая воля! И так дешёво...

–Смотри-ка, идиот! Старухи побежали занимать партер. Гляди ж, урвут себе все мягкие места. Ты больше митингуй!

–Пора и нам туда, Маруся. Ручку... Ё-твоё!.. На мраморе не видно, а уж наплёвано зело – скользит нога.

Такие перемены случаются весной.

Затем всё лето напролёт тащился во дворец народ.

Есть у природы золотая сердцевина – осень: любое лето закругляется зимой. И нам, разумным и царям, несладостно порой.

А во дворце том, извините, батареи в морозы ни хрена не грели!

Покрылись мрачным инеем узоры на паркете.

Но глух и нем стоит дворец.

И стали плакать дети. И проклинали папы судьбу и снег в карете. И брали в руки автоматы. И, леденя, убивали папы пап. Средь малахита и фарфора кружилась, выла, хохотала вьюга...

–О царь, ведь нет тебя добрее! Сдались нам эти формы и венеры! Своё дорожке тело! Давай назад меняться? Прости ты шалость нам, пусти по шалашам...

И царь слегка помялся – и во дворце, вздохнув, остался.

И маятник серебряный луны над омутом мечты былой качался.

Блестело жестяное дно консервной банки за окном моим.

Ночь плакала и пела о любви.

–Пусть некрасив шалаш, его уютней нет! По насту босиком влачись без нас ты, злой поэт. Молчи, дурак! Ступай в казарму, зверь. Ужо тебе!.. Всё наизнанку! Всё не как у людей!..

–А как же царь?

–Бедняжка... Он во дворце замёрз. На нём – одна рубашка, золотая, но промозглая как пёс. Он принял смерть на льду, во имя человеческого роста! Что и положено ему, спасителю прогресса, аристократу мозга...

–Какие могут быть тут споры!

Под-призадёрнув шахматные шторы, любимец дольных стран сошёл в тайник укромный и молча повернул там кран. И те, что ни хрена не грели, вмиг потеплели батареи!.. когда он перекрыл нам кислород, простите.

–Ура! Наш царь живой! Трясись, надменный рок! Наш царь – герой! Наш царь – король!

–Чего?.. Сама ты, бабушка, король! Наш царь – пророк!..

Судил народ весной.

На площади дворцовой лежал асфальт – царю под ноги брошенного неба.

И чьё-то радостное рыло сквозило и урчало из-за туч...

И больше здесь про вечные дворцы поэты не писали: зим бесконечные концы им перья опускали. И канул в ледяную Лету их былой престиж. И плавали по водам этим лишь осколки голубого эха...

И утром был закат.

Последний век – последний кат – всходил на трон земной.

И колокольный звон, крест-накрест треснув, отлетел от нас.

И дом наш рухнул в бездну.

1989, 1996